

«Метаонтология» Питера ван Инвагена Предисловие переводчиков

М.В. Шпаковский

Институт философии РАН
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
shpakomih@mail.ru

А.С. Павлов

Институт философии РАН
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
<https://alexeypravlov.me>

Аннотация. Питер ван Инваген (род. 1942) – один из крупнейших ныне живущих метафизиков, внесший значительный вклад в теоретическую (онтология и метафизика материальных объектов) и специальную метафизику (в частности, в дискуссии по проблеме свободы воли и проблематику тождества личности). За редчайшими исключениями труды ван Инвагена практически не представлены на русском языке. Данная публикация призвана в определенной степени устранить этот недостаток. Мы представляем русскоязычному читателю перевод одной из классических его работ – статьи «Метаонтология» (1998 г.), составляющей значительную веху в развитии аналитической онтологии: в ней обобщается т.н. «стандартный взгляд» в онтологии и впервые дается понятие «метаонтологии» как обозначение для раздела аналитической метафизики, имеющего своим предметом значение и смысл самого бытия, или существования.

Ключевые слова: аналитическая метафизика, квантификация, метаонтология, онтологическое обязательство, Питер ван Инваген

Для цитирования: Шпаковский, М.В., Павлов, А.С. «“Метаонтология” Питера ван Инвагена. Предисловие переводчиков». *Историко-философский ежегодник* 38 (2023): 352–370.

Поступила в редакцию: 03.05.2023

Принята к публикации: 19.09.2023

Peter van Inwagen's *Meta-ontology*. Translators' Foreword

Mikhail V. Shpakovskiy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
109240, 12/1 Goncharnaya st., Moscow, Russia
shpakomih@mail.ru

Alexey S. Pavlov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
109240, 12/1 Goncharnaya st., Moscow, Russia
<https://alexeypavlov.me>

Abstract. Peter van Inwagen (b. 1942) is one of the living metaphysicians who has made a substantial contribution to both theoretical (ontology and metaphysics of material Objects) and special metaphysics (in discussions on the problem of free will and the personal identity problem). With rare exceptions there are no works of van Inwagen in Russian. This publication is intended to correct this shortcoming to a certain extent. We present to the Russian-speaking reader a translation of one of his classical works – the paper *Meta-ontology* (1998), which constitutes a significant milestone in the development of analytical ontology: in it the so-called “Standard View” in ontology is summarized and for the first time the concept of “Meta-ontology” is given in as name for the section of analytical metaphysics, which has as its subject the meaning and the sense of the very being, or existence.

Keywords: Analytic Metaphysics, meta-ontology, ontological commitment, Peter van Inwagen, quantification

For citation: Shpakovskiy, Mikhail V. and Pavlov, Alexey S. “Peter van Inwagen's *Meta-ontology*.” *Translators' Foreword. History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 38 (2023): 352–370. (In Russian)

Received: 03.05.2023

Accepted: 19.09.2023

Фигура американского философа Питера ван Инвагена (род. 1942) известна всем, кто интересуется аналитической философией последних десятилетий. Тому же тем, кто слышит это имя впервые, следует знать, что ван Инваген является одним из крупнейших ныне живущих метафизиков, внесшим значительный вклад в теоретическую (онтология и метафизика материальных объектов) и специальную метафизику (в частности, в дискуссии по проблеме свободы воли и проблематику тождества личности), а его труды в этих областях достаточно быстро стали классическими. Он также известен как терминологический новатор: такие широко используемые сегодня термины, как инкомпатибилизм и компатибилизм, были введены им в «Эссе о свободе воли»¹. Нельзя не признать, что отстаиваемые им взгляды и аргументы зачастую воспринимаются если не как провокативные, то, по крайней мере, как своеобразные. Впрочем, в известной мере это лишь способствовало углублению тех дискуссий, в которых ван Инваген принимал самое активное участие.

К сожалению, за редчайшими исключениями труды ван Инвагена практически не представлены на русском языке². Данная публикация призвана в определенной степени устранить этот недостаток. Мы представляем русскоязычному читателю перевод одной из классических его работ – статьи «Метаонтология» (1998 г.)³, составляющей значительную веху в развитии аналитической онтологии⁴: в ней обобщается т.н. «стандартный взгляд» (далее – СВ) в онтологии и впервые дается понятие «метаонтологии» как обозначение для раздела аналитической

---

¹ Peter van Inwagen, *An Essay on Free Will* (Oxford: Clarendon Press, 1983).

² Нам известны переводы доклада «Аргумент от зла» (Питер ван Инваген, «Аргумент от зла», в *Проблема зла и теодицеи: Материалы Международ. конф. Москва, 6–9 июня 2005 г.* (М., 2006), 69–83), и статьи «Метафизика» из Стэнфордской философской энциклопедии (Питер ван Инваген, «Метафизика», в *Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей*, <https://philosophy.ru/ru/metaphysics/>).

³ Peter van Inwagen, «Meta-ontology», *Erkenntnis* 48 (1998): 233–250.

⁴ Далее термины «онтология» и «аналитическая онтология» употребляются синонимично.

метафизики, имеющего своим предметом значение и смысл са-мого бытия, или существования⁵.

СВ уходит своими корнями в философию Канта – а точнее, в кантовскую критику Ансельмова доказательства бытия Бога – в трактовке философа, в его основе лежит понятие о Боге как об абсолютно необходимом существе; оно относится к сфере чистого мышления, но даже если наш разум действительно нуждается в понятии о таком существе, то из этого еще не следует, что такое существо есть в реальности. Сторонники ансельмовского аргумента, в частности, исходят из того, что, поскольку Бог по определению есть «всереальнейшее существо», а понятие «реальности» содержит в себе понятие «существования», то понятие «Бога» по определению содержит в себе понятие «существования», и значит, Бог существует. Кант возражает на это, что «существование» не является реальным предикатом и не добавляет ничего к понятию вещи, будучи к нему присовокуплено. Если бы «существование» было реальным предикатом, то, прибавив к понятию «сто рублей» предикат существования, мы получали бы новое понятие, «существующие сто рублей», которое отличалось бы по своему содержанию от изначального. Но это бы значило, что с помощью изначального понятия «сто рублей» мы не могли бы думать о реально существующих ста рублях; о реальных деньгах могли бы думать только с помощью понятия «существующие сто рублей». Но это очевидно не так: с помощью понятия «сто рублей» мы одинаково можем думать как о реальных, так и о только возможных или воображаемых ста рублях. А значит, существование

---

⁵ Отметим, что сама метаонтология ван Инвагена небезызвестна отечественным философам. Имеются два исследования о ней, принадлежащие перу М.А. Гусева (отметим, что некоторые его интерпретации философии ван Инвагена небесспорны, в частности трактовки онтологических обязательств): А.М. Гусев, «Метаонтология Питера ван Инвагена и ее корни в предшествующей аналитической традиции», *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки* 14, № 1 (185) (2019): 5–18; А.М. Гусев, «Пять тезисов Питера ван Инвагена о бытии и его полемика с экзистенциально-феноменологической традицией», *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология* № 2 (2019): 180–193.

не расширяет содержания понятия и не является реальным предикатом («Критика чистого разума», А596 / В624–А602 / В630). В XX в. схожая проблема сначала была сформулирована в рамках дискуссий по проблеме референции, а затем была осознана как проблема онтологического характера. Настоящую проблему можно выразить в виде следующего вопроса:

Влечет ли референция r к x в высказывании P о x утверждение о существовании x ?

Ответ кажется простым, когда мы говорим о предметах, в чьем существовании мы не сомневаемся (стулья, книги, живые люди и т.п.), поскольку референт x материален и доступен нашему восприятию. Сложности возникают тогда, когда мы говорим, что референт x не является обычным объектом и относится к следующим трем категориям:

1. несуществующие объекты⁶;
2. фиктивные объекты⁷;
3. поппибии⁸.

---

⁶ В общем случае мы говорим о несуществующих объектах так, как если бы с помощью некоторого выражения Z мы обозначали некоторый несуществующий объект x : например, я говорю своему другу о том, что я придумал новое существо «Шпакопавлов». Я могу вполне спокойно говорить о Шпакопавлове, осмысленно используя для его обозначения выражение Z и зная, что такого объектами на самом деле не существует. Следовательно, мы должны относить к несуществующим объектам не только логически противоречивые объекты, такие как круглый квадрат или всезнающий Бог, который ничего не знает, но также фикции и поппибии, если мы не предполагаем такой онтологии, которая допускает их существование.

⁷ Фиктивными сущностями – или просто фикциями (fiction) – называют такие искусственные или выдуманные объекты, как Персей, Кощей, Шерлок Холмс, Чичиков и др. Иначе говоря, это, как правило, персонажи и объекты массовой культуры, художественных или мифологических произведений, которых можно описать как созданных людьми или как существующих в некоем культурном пространстве – пространстве мифа, литературного произведения и др. Вопросы «что считать фикциями?» и «каким образом они существуют?» представляют собой отдельную проблему для онтологии.

⁸ Поппибиями называют возможные объекты. Обычно они описываются с помощью возможных миров и контрфактуалов, т.е. альтернативных способов

Объяснение того, как осуществляется референция в тех случаях, когда мы говорим «Пегас», «Кощей» и «ваш друг, который в 2025 г. стал слесарем», требует разработки либо определенной онтологии, либо определенного способа перефразировать или перевести высказывания о Кошее в некое другое предложение, которое избегало бы референции к объектам, чье существование невозможно с точки зрения принимаемой нами онтологии, или объяснить их как-то иначе. Особенно остро эти проблемы стоят в связи с мейнонгианством, в котором утверждается реальность несуществующих объектов: если вы говорите, что Кощей есть, то лишь потому, что у него есть определенный способ бытия, отличный от бытия актуальных вещей, что объясняет референцию r в R к референту x в высказывании о Кошее. Нередко в таком случае говорят, что несуществующие объекты (с которыми в этих контекстах отчасти уравниваются также абстрактные объекты) субсистируют (*subsist*) или являются объектами без бытия, а существующие объекты имеют бытие. Возможной альтернативой такому способу рассуждения является перевод Кощей в разряд актуально и необходимо существующих possibiliий: в таком случае пропозиция о Кошее, будучи абстрактным объектом, просто не будет экземплифицирована в нашем актуальном мире *de re*. Тем не менее такой ход требует значительных жертв, поскольку в этом случае потребовалось бы принять, к примеру, абстракционизм А. Плантинги (все виды *abstracta* существуют необходимо) в отношении possibiliий и возможных миров⁹. Наконец, можно было бы прояснить пропозицию о Кошее иначе: «Кощей – это персонаж русских сказок», – и тем самым поместить его в разряд фиктивных сущностей, существующих в пространстве культуры и литературы. Однако вопрос о том, как строить онтологию фикций, не столь прост и относится к сфере отдельной особо тонченной дискуссии.

бытия или состояний x , отличных от актуального существования или состояния x (например, possibiliей будет Н.С. Хрущев, который остался генсеком КПСС и после 1964 г.).

⁹ Alvin Plantinga, *The Nature of Necessity* (Oxford: Clarendon Press, 1974), 149–152.

Если посмотреть на проблему существования с собственной онтологической точки зрения, то возникает вопрос о том, что значит «быть» и как это «быть» выражается в нашем концептуальном анализе. Мейнонгианец, как мы уже сказали, мог бы предположить, что несуществующие объекты обладают неким бытием, которое отлично по своим свойствам от бытия существующих объектов: Кощей каким-то образом имеет бытие, но не имеет свойства существования. Это приводит нас к парадоксальному выводу: существуют объекты, которые не существуют. Однако проблема бытия встает и в случае обычных объектов: имеете ли вы и живущая у вас дома лягушка один и тот же тип бытия? Существуете ли вы одинаковым образом? Одинаково ли информативным было бы сказать, что «вы существуете» и «существует ваша домашняя лягушка»? Если вы полагаете, что ответ на эти вопросы отрицательный, что вы и ваша домашняя лягушка действительно существуете различным образом, то разница в вашем с лягушкой способах существования должна найти отражение в разнице логической структуры высказываний об их существовании¹⁰. Классический анализ логической структуры подобных высказываний, оперирующий кванторами всеобщности и существования, здесь не подойдет: при его использовании для формализации экзистенциальных пропозиций в рамках мейнонгианской онтологии мы, в частности, столкнемся с нарушением самоидентичности объектов. Вспомним, что Кощей (x) – это колдун, который погибает от иголки (y), причем такого колдуна не существует, т.е.:

---

¹⁰ Впрочем, нет никакой проблемы построить плюральную онтологию в рамках стандартной процедуры квантификации. Хороший пример такого проекта представлен у Т. Сайдера, оперирующего для построения фундаментальной онтологии «структурами» – точками материального «пространства-времени» (points of spacetime) и множествами. Эти структуры квантифицируются в первопорядковой логике. По Сайдеру, важна не квантификация, а правильное членение мира в терминах фундаментальных структур. Краткое изложение метафизики Сайдера см. в: Theodore Sider, *Writing the Book of the World* (Oxford: Oxford University Press, 2011), 292–296.

$\neg \exists y (y=x)$

В стандартной логике утверждение «Существует несуществующий Кощей» в таком случае будет иметь вид:

$\exists x \neg \exists y (y=x),$

что эквивалентно

$\exists x \neg (x=x),$

т.е. утверждению о том, что некоторый объект не тождественен самому себе¹¹.

Чтобы избежать затруднений, возникающих в случае использования классических средств анализа подобных высказываний, сторонники подобного рода онтологий сегодня вводят для их анализа новые типы кванторов, которые бы учитывали их трактовку бытия¹².

Большая часть наиболее очевидных стратегий, которые мы представили выше (прежде всего мейнонгианство), неприемлемо для сторонников СВ – самого распространенного взгляда на онтологию в аналитической философии¹³. Одна из первых

---

¹¹ См. Francesco Berto and Matteo Plebani, *Ontology and Metaontology. A Contemporary Guide* (London: Bloomsbury, 2015), 101.

¹² Современные мейнонгианцы предлагают несколько разных стратегий, с помощью которых высказывания о несуществующих объектах формализуются без логического противоречия. В основе такой формализации, как правило, лежит более сложная по сравнению с классическими классификация предикатов. Например, Т. Парсонс выделяет ядерные (nuclear) и над-ядерные (extranuclear) предикаты. Ядерные предикаты обозначают стандартные свойства, образующие множества, а к над-ядерным относятся такие предикаты, как экзистенциальные, модальные, интенциональные и технические. В частности, над-ядерный предикат существования будет записываться как E! (заменяя предикатный терм со значением местности) и успешно квантифицироваться. Формальный язык, предложенный Парсонсом вместе с примерами анализа предложений, содержащих дескрипции обычных и вымышленных объектов, см.: Terence Parsons, *Nonexistent Objects* (New Heaven and London: Yale University Press, 1980): 63–151.

¹³ Помимо указанных нами СВ, мейнонгианства, плюрализма (неофрегеанства) выделяют также фикционализм, подход оснований и карнапианскую метаонтологию. Прекрасный вводный обзор этих доктрин см.: Berto and

попыток изложить СВ представлена в классической работе Бертрانا Рассела «Об обозначении» (*On Denoting*)¹⁴, в которой одновременно развиваются и критикуются идеи Готлоба Фреге. Рассел предлагает в этой статье технику анализа обозначающих фраз следующего вида:

1. Нынешний король Франции;
2. Нынешний президент Франции.

(1), несомненно, является обозначающей фразой, однако она, на первый взгляд, не обозначает что-либо в том же самом смысле, что и (2): в отличие от (2), (1) не указывает ни на какого живого человека в актуальном мире. Мейнонг решил бы эту проблему просто: подобно тому как (2) обозначает существующий объект, (1) обозначает несуществующий объект. Перед Расселом стояла задача разработать такой способ интерпретации (1) и (2), при котором не было бы нужды в подобной мейнонгианской онтологии несуществующих объектов. Согласно фрегеанской теории определенных дескрипций, в обозначающих фразах выделяется два элемента: смысл – способ презентации, т.е. указания на некоторый предмет, и значение – собственно, сам тот предмет в мире, на который дескрипция указывает. Рассел выдвигает аргументы против подобного анализа обозначающих фраз, показывая, что в ряде случаев он ведет к противоречию. Вместо этого Рассел предлагает считать, что обозначающие фразы вообще ничего не значат (*have no significance*) сами по себе – т.е. будучи взяты в отрыве от предложения, частью которого они являются, они не обладают никаким смыслом; им обладают только предложения в целом. Ошибка в том, чтобы думать об обозначающих фразах вроде (1) или (2) по аналогии с именами собственными. Может показаться, что утверждения

Matteo, *Ontology and Metaontology*, 55–119. См. также: Robert C. Koonsa and Timothy Pickavance, *The Atlas of Reality. A Comprehensive Guide to Metaphysics* (New York: Wiley Blackwell, 2017), 253–271.

¹⁴ Бертран Рассел, *Избранные труды* (Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2009), 18–27.

(а) Реджеп Эрдоган носит усы

и

(б) Нынешний король Франции носит усы

имеют одинаковую логическую структуру

N носит усы.

Но в действительности такую структуру имеет только (а), тогда как подлинную структуру (б) следую описать примерно следующим образом:

Один и только один x является в настоящее время королем Франции, и этот x носит усы.

В результате такого анализа предложения (б) мы устраняем из него обозначающую фразу (1) и вместе с ней всякую нужду считать, что какая-то из частей этого предложения должна осуществлять референцию к некоторым образом существующему в мире объекту вроде «нынешнего короля Франции». Выявление подлинной структуры предложений, содержащих такие обозначающие фразы, или дескрипции, показывает, что в них утверждается не что определенный объект в мире, на который мы указываем (нынешний король Франции), принадлежит к какому-то классу (носители усов), а что существует нечто, что, чем бы оно ни было, принадлежит одновременно к нескольким классам (в нашем случае к двум: к нынешним королям Франции и носителям усов). Разумеется, такого нечто не существует, и поэтому предложение (б) ложно. Однако оно вполне осмысленно, и мы можем объяснить осмысленность этого предложения, не прибегая к постулированию ни мейнонгианских несуществующих объектов, ни ферганских смыслов имен и обозначающих фраз.

Вторым «китом» СВ стала статья 1948 г. У.О. Куайна «О том, что есть» (*On What There Is*)¹⁵. В ней идеи Рассела получают дальнейшее развитие: Рассел предложил анализ, избавляющий

---

¹⁵ Уиллард Ван Орман Куайн, «О том, что есть», в Уиллард Ван Орман *Слово и объект* (М.: Логос: Праксис, 2000).

нас от необходимости признавать референцию к несуществующим объектам для описательных выражений вроде (1), но из его замечаний в «Об обозначении» следует, что он полагает, что имена собственные, в отличие от описательных выражений, осуществляют прямую референцию к объектам, которые они именуют. Это возвращает проблему на новом уровне для собственных имен несуществующих объектов, таких как «Кощей». Куайн предлагает распространить решение Рассела для случая описательных выражений на случай имен собственных: любое имя собственное можно интерпретировать как скрытую дискрипцию и далее обращаться с ним как с таковой. Так, мы можем в любых контекстах заменить имя «Кощей» на дескрипцию «вещь, которая является Кощеем» и проанализировать ее в расселовском стиле. Это позволяет нам элиминировать множество сущностей, которые вам приходилось бы признавать существующими, если бы мы полагали, что имена осуществляют референцию напрямую к именуемым ими объектам. Референцию осуществляют не имена, а переменные в области квантификации. На этом новации Куайна не заканчиваются, и мы должны указать на еще два его «изобретения». Во-первых, это формулировка онтологического вопроса «Что есть?» и краткого ответа, ставшего одной из основ современной версии СВ: всё. Такую позицию сейчас нередко отождествляют с актуализмом (соответственно, мейнонгианство отрицает актуализм), поскольку его легко переформулировать следующим образом: всё существует актуально. Стало быть, того, что не существует, попросту нет, а высказывания, которые, казалось бы, содержат референцию к несуществующим вещам, как мы уже отметили выше, могут быть последовательно объяснены в своем осмысленном употреблении посредством анализа дескрипций в расселианском стиле. Вторым важным вкладом Куайна в дискуссию является понятие «онтологического обязательства», т.е. тезис о том, что содержательные высказывания теории влекут за собой принятие определенной онтологии и лежащей в ее основе концептуальной схемы: если ваш дискурс говорит о том, что нечто существует, то этот дискурс обязывает принять онтологию, содержащую это нечто (однако обратное неверно: если ваш дискурс утверждает, что чего-то не существует, вы, будучи

вооружены расселианским анализом дескрипций, не обязаны принимать онтологию, содержащую это нечто). Как пишет сам Куайн:

Когда мы говорим, что есть простые числа больше миллиона, мы обязываем себя принимать онтологию, содержащую числа; когда мы говорим, что есть кентавры, мы обязываем себя принимать онтологию, содержащую кентавров; а когда мы говорим, что есть Пегас, мы обязываем себя принимать онтологию, включающую Пегаса. Но мы не обязываем себя принимать онтологию, содержащую Пегаса, или автора «Уэверли», или круглый квадратный купол Беркли-колледжа, когда мы говорим, что Пегаса, или автора «Уэверли», или купола, о котором идет речь, нет¹⁶.

С точки зрения Куайна, у нас нет неизменных онтологических обязательств признавать сущности, соответствующие предикатам, именам и дескрипциям. Существовать – значит быть значением переменной в области действия квантора, и «онтологические обязательства» накладываются на наши теории именно в соответствии с тем, что может быть в них значением такой переменной. Когда мы говорим, что некоторые лягушки желтые, нам необязательно допускать существование таких сущностей, как «биологический вид “лягушки”» или «желтизна»: достаточно просто сказать, что некоторые вещи, являющиеся лягушками, являются одновременно желтыми, что накладывает лишь обязательства по признанию существования отдельных лягушек и желтых вещей. Впрочем, наши онтологические обязательства определяются содержанием нашей теории, и в некоторых случаях вполне уместным может быть допустить, например, существование абстрактных сущностей, если апелляции к ним требуют наши лучшие теории, и у нас нет способа редуцировать высказывания, апеллирующие к этим сущностям, к высказываниям, избегающим таких апелляций.

Разговор о развитии СВ был бы неполным, если бы мы не упомянули и о классическом философском диалоге Дэвида Келлога Льюиса и его супруги, Стефани Льюис, под названием

---

¹⁶ Куайн, «О том, что есть», 332.

«Дырки»¹⁷. Этот диалог примечателен тем, как он проблематизирует онтологию СВ. Если внимательно приглядеться к тезисам Куайна об онтологии, то может сложиться впечатление, что вопрос о наших онтологических обязательствах решается довольно просто, можно даже сказать, с помощью банальной прагматики. Диалог Льюисов показал, что содержание онтологии – того что мы понимаем под значением переменной в области действия квантора – действительно и существенно важно, поэтому мы должны всерьез обосновывать свои онтологические обязательства, причем так, чтобы они не противоречили друг другу. Сверх того, мы можем подобрать такие высказывания, которые, если мы трактуем их методами Куайна, прямо ставят под вопрос или делают неочевидной нашу онтологическую экономность (*ontic parsimony*). Представьте вполне обычную ситуацию: Вы садитесь завтракать и достаете кусочек пошехонского сыра с дырками. Вы обращаете внимание на дырки и, как увлеченный философией человек, начинаете рассуждать о том, существуют ли дырки. Рассмотрим высказывание «в этом сыре много дырок» – несложно обнаружить, что нам доступно несколько путей понимания онтологического содержания этого высказывания. Первый и самый очевидный: в этом сыре действительно есть дырки; если вы всерьез воспринимаете онтологические обязательства, выраженные в своих утверждениях, то можно также сказать, что некоторые дырки существуют. И если вы считаете, что дырки не составлены из какой-либо материи, то вы имеете полное право со всей силой онтологического обязательства заявить, что существуют нематериальные дырки.

Подобный ход, конечно, не может устроить последовательного материалиста (коим был Льюис), но между тем обыденный язык буквально «кишит» такого рода высказываниями: перед материалистом неизбежно встает задача построить такую

---

¹⁷ David Lewis and Stephanie Lewis, «Holes», *Australian Journal of Philosophy* 48 (1970). В диалоге Льюисы вывели себя под личиной персонажей Аргла и Баргла. Имена Аргл и Баргл происходят от почти непереводаемого на русский выражения *argle-bargle*, имеющего значение агрессивного, экспрессивного или попросту шумного спора.

онтологическую семантику, которая могла бы дать твердую основу для последовательного парафразирования схожих предложений в нашем языке при анализе так, чтобы объяснить их значение без референции к тому, что Льюис нарек «окультными» сущностями.

Льюисы показывают, что материалисту в данном случае доступны несколько стратегий. Во-первых, он может утверждать, что все высказывания о наличии нематериальных дыр в сыре можно заменить на высказывания о «продырявленности» сыра. Дырка в сыре описывается с помощью предикатов, описывающих телесные формы («продырявленный»), вместо «в этом х есть дырки» мы получаем «этот х продырявлен». Эта стратегия предполагает невозможность квантификации «дырок». Вторая предложенная стратегия (Льюисы отдают ей явное предпочтение), более «экспансионистская» по части объяснений предложений с упоминанием дырок, предполагает, что утверждение «дырки существуют» можно не считать нуждающимся в какой-либо переформулировке, а сами «дырки» квантифицировать, если придать им другое, более натуралистическое значение. Дырки можно понимать как материальные объекты, образованные линией или изгибом формы объекта (линия дырки тождественна самой дырке) и входящие в состав другого объекта (в нашем случае кусочка сыра). Подобное решение позволяет сохранить гибкость, в том числе совместимую и с запутанными вопросами мерологии материальных объектов, но у нас, к сожалению, нет здесь привилегии глубже уходить в детали рассуждений о «дырках».

Обобщением куайновской версии СВ стала «Метаонтология» ван Инвагена, текст которой существует в двух вариантах. Первый вариант – это, собственно, сама статья «Метаонтология». Второй вариант впервые вышел в 2009 г. под названием «Бытие, существование и онтологическое обязательство»¹⁸ и представляет собой значительно более детализированную и расширенную версию первого. Строго говоря, как указывал сам ван Инваген

---

¹⁸ Переиздано в сборнике: Peter van Inwagen, «Being, Existence, and Ontological Commitment», in Peter van Inwagen, *Existence: Essays in Ontology* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014).

в примечании к «Метаонтологии», этот текст является адаптацией первой главы не вышедшей на тот момент книги «Бытие: онтологическое исследование»¹⁹. Соответственно, второй вариант текста является полноценной первой главой. Насколько мы можем судить, именно статья «Метаонтология» за двадцать лет, прошедших с момента анонса книги ван Инвагена и до ее выхода, стала классической и является объектом постоянных ссылок в работах по онтологии, что и определило наш переводческий выбор. Успех статьи во многом был обусловлен именно адаптацией столь абстрактного материала, позволившего кристально ясно изложить основы СВ.

В данной работе ван Инваген, размышляя над аргументацией Куяана, предложил отделить друг от друга два вопроса, которые изучает онтология. Куайновский вопрос «Что есть?» отныне называется просто «онтологическим».

Но что значит само «есть» или «существовать»? Вопрос о смысле и значении бытия ван Инваген называет «метаонтологическим». Инвагеновскую метаонтологию СВ можно выразить в 5 тезисах:

1. Бытие – это не деятельность;
2. Бытие и существование – это одно и то же;
3. Бытие унивокально;
4. Кванторы существования корректно выражают единственный смысл бытия;
5. Наилучшей стратегией при обсуждении онтологических вопросов является предложенная Куайном стратегия по выявлению онтологических обязательств собеседника путем перевода принимаемых им высказываний в «каноническую запись» кванторов и переменных²⁰.

Тезис (1) полемически направлен против философов, защищавших тезис об эквивокальности бытия, в частности экзистенциал-

---

¹⁹ Peter van Inwagen, *Being: A Study in Ontology* (Oxford: Oxford University Press), 2023. К сожалению, у нас не было времени для подробного ознакомления с текстом этой книги.

²⁰ Пятый тезис, как подчеркивает сам ван Инваген, не может быть выведен в виде краткого утверждения. Предложенная формулировка является нашим авторским обобщением.

листско-феноменологической направленности²¹, в которой разные формы бытия связывались с разными видами деятельности.

Тезис (2) продолжает традиционную линию полемики СВ с мейнонгианством. Попытка приписать несуществующим объектам другой тип бытия оказывается бессмысленной просто потому, что несуществующих объектов нет. При этом сам тезис о тождестве бытия и существования представляется ван Инвагену очевидным.

Тезис (3) следует из тезиса (2). Он также направлен против другого защитника доктрины эквивокации существования в философии – Г. Райла. В отношении Бога, чисел, стульев и вообще всего существующего существование имеет один смысл: тезис о том, что для разных видов вещей «существовать» значит нечто разное, неверен. Подкрепляя свою позицию, ван Инваген предлагает аналогию с другим чрезвычайно общим понятием нашего когнитивного инструментария – числом. Допустим, вы говорите, что число лягушек в аквариуме – 6, а число сонетов Шекспира – 154. Хотя виды подсчитываемых вами объектов различны, из этого не следует, что в этих случаях речь идет о «числе» в двух разных смыслах. Еще более очевидно это в случае, когда и сонетов, и лягушек 154, т.е. число сонетов – то же, что и число лягушек.

Отсюда видно, что существование тесно связано с числом: сказать, что нечто существует – значит подсчитать количество или сказать, что число какого-то вида объектов больше 0. Если же, к примеру, чего-то не существует, то это значит, что его число равно 0.

Тезис (4) эксплицитно связывает существование с квантификацией и сопровождается введением в сам метод перевода предложений в высказывания на языке переменных и кванторов. По ван Инвагену, при помощи подобного перевода мы можем объяснить значение всего, что выражается в естественном языке с помощью выражений «есть» и «существует».

---

²¹ В «Метаонтологии» ван Инваген полемизирует с Ж.-П. Сартром, в «Бытии, существовании и онтологическом обязательстве» он также рассматривает взгляды и М. Хайдеггера (van Inwagen, «Being», 50–53, 55–57).

Из тезиса (4) следует тезис (5) – тезис об онтологических обязательствах. Как отмечает философ, обычно рассуждения Куайна об онтологических обязательствах понимали в том смысле, что он полагал, что у любой теории эти обязательства (т.е. набор объектов, которые она обязана признать существующими) есть (возможно, в скрытом виде), а он предложил универсальный метод их выявления, связанный с переводом теории на язык кванторов и переменных²². В действительности же Куайн не считал, ни что существует строго определенный класс «теорий», ни что он предложил универсальный метод автоматического выявления их онтологических обязательств. Онтологические обязательства – это не то, что объективно есть в любой теории, до того, как мы перевели ее на язык кванторов и переменных, а то, что мы должны просить ясно изложить своих собеседников, когда они формулируют свои теории. То есть речь скорее о методологии ведения философской дискуссии, чем об объективно существующих чертах теорий.

На этом мы заканчиваем наше краткое изложение метаонтологии ван Инвагена и того историко-философского контекста, в котором эта позиция возникла и продолжает фигурировать. За остальными подробностями мы предлагаем читателю обратиться непосредственно к самому тексту статьи.

Работая над этим переводом, мы стремились дать нашим коллегам-философам образец не только классического, но и необходимого в современных онтологических исследованиях философского сочинения. Вместе с переводами статей «Об обозначении» и «О том, что есть» перевод «Метаонтологии» образует в отечественной философской литературе набор ключевых текстов, в достаточной степени репрезентирующих СВ.

Мы надеемся, что наш перевод поспособствует более близкому знакомству русскоязычного читателя с современной версией СВ и философией П. ван Инвагена.

---

²² Ван Инваген не указывает лиц, которые отстаивали подобное понимание онтологических обязательств. Предположим, что подобное понимание онтологических обязательств у Куайна было вызвано его замечанием о том, что принятие онтологии сходно с принятием научной теории. См.: Куайн, «О том, что есть», 339.

Настоящий перевод выполнен по изначальному тексту публикации статьи в журнале *Erkenntnis*. Примечания автора и переводчиков маркируются отдельно.

Мы выражаем особую признательность профессору Питеру ван Инвагену за любезное разрешение опубликовать русский перевод «Метаонтологии». Свою глубокую благодарность мы выражаем также и научному редактору «Историко-философского ежегодника» А.Т. Юнусову, чья опытная редакторская рука и глубокое знание истории аналитической философии позволили уберечь нас от многих ошибок и неточностей в переводе и предисловии.

Список литературы / References

- Гусев, А.М. «Метаонтология Питера ван Инвагена и ее корни в предшествующей аналитической традиции». *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки* 14, № 1 (185) (2019): 5–18.
- Гусев, А.М. «Пять тезисов Питера ван Инвагена о бытии и его полемика с экзистенциально-феноменологической традицией». *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология* № 2 (2019): 180–193.
- Инваген, Питер ван, «Аргумент от зла». В *Проблема зла и теодицеи: Материалы междунар. конф. Москва, 6–9 июня 2005 г.* (М., 2006): 69–83.
- Инваген, Питер ван. «Метафизика». Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей. Дата обращения: 01.09.2022. <https://philosophy.ru/ru/metaphysics/>
- Куайн, Уиллард Ван Орман, «О том, что есть». В *Слово и объект*, 325–341, М.: Логос: Праксис, 2000.
- Рассел, Бертран. *Избранные труды*. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2009.
- Berto, Francesco and Matteo Plebani, *Ontology and Metaontology. A Contemporary Guide*. London: Bloomsbury, 2015.
- van Inwagen, Peter. «Being, Existence, and Ontological Commitment». In Peter van Inwagen, *Existence: Essays in Ontology*, 50–86. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- van Inwagen, Peter. «Meta-ontology», *Erkenntnis* 48 (1998): 233–250.

- van Inwagen Peter. *Being: A Study in Ontology*. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Koons, Robert C. and Timothy Pickavance. *The Atlas of Reality. A Comprehensive Guide to Metaphysics*. New York: Wiley Blackwell, 2017.
- Lewis, David and Stephany Lewis. «Holes», *Australasian Journal of Philosophy* 48 (1970): 206–212.
- Parsons, Terence. *Nonexistent Objects*. New Heaven and London: Yale University Press, 1980.
- Plantinga, Alvin. *The Nature of Necessity*. Oxford: Clarendon Press, 1974.
- Sider, Theodore. *Writing the Book of the World*. Oxford: Oxford University Press, 2011.